

Колпачев В. В., Петригина В. А.

История РУССКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЯЗЫЧЕСКИХ И ПРАВОСЛАВНЫХ ТРАДИЦИЙ

Статья обращает читателя к языческим и православным педагогическим традициям Древней Руси и Московского государства, к истории школы и педагогики от времени принятия христианства до конца XVII столетия.

Ключевые слова: история школы и педагогики, педагогическая культура, язычество, православие, общественное и семейное воспитание, процесс воспитания, обучение, образование, диалог педагогических культур.

V. V. Kolpachev, V. A. Petrigina

The History of Russian Education in The Context of Heathen and Orthodox Traditions

The article draws the readers' attention to the heathen and orthodox traditions of Ancient Russia and the Moscow state, to the history of school and pedagogics from the times of Christianity acceptance to the close of the 17th century.

Key words: the history of school and pedagogics, pedagogical culture, heathenism, orthodoxy, public and family upbringing, the process of upbringing, teaching, education, the dialogue of pedagogical culture.

Процесс становления образования на Руси определялся как традициями нашего народа, отражающими его менталитет, так и влиянием более развитых в культурном отношении стран — Византии, Греции, Болгарии.

Задолго до возникновения государственности в славянских племенах сложилась базирующаяся на передаваемом из поколения в поколение опыте система воспитания. Ввиду малочисленности источников сложно представить себе полную картину воспитания древних славян, о ней можно судить по немногочисленным упоминаниям в

произведениях византийских, болгарских и других авторов, результатам археологических раскопок, дошедшим до нас устным преданиям, народному фольклору, сохранившимся долгое время в деревенской среде патриархальных традициям и обычаям.

Можно предположить, что первоначально процесс воспитания осуществлялся в рамках традиций общинно-родового строя и был поручен наиболее уважаемым членам рода. С возникновением и укреплением позиций семьи воспитание постепенно перешло в руки родителей. Ещё на раннем этапе раз-

вития общества воспитание стало носить дифференцированный характер в связи с различием ролей мужчины и женщины в обществе. Доминирующей тенденцией воспитания являлась его направленность на формирование умений необходимых человеку для непрерывной борьбы с враждебными силами природы качеств, а также для противостояния набегам чужеземных племен [20. С. 293].

Воспитание проходило в процессе приобщения детей к труду и носило наглядный характер. Ребенок рано становился полноправным участником трудовых процессов, праздников, игр, по мере взросления допускался к различным ритуалам, что в немалой степени способствовало формированию нравственного сознания. Процесс вхождения во взрослую жизнь завершался определенной церемонией, где свое право считаться полноправным членом общины следовало доказать, пройдя ряд серьезных испытаний.

Существенное влияние на воспитательный процесс оказывали верования славян. Язычество, исповедуемое ими, включало поклонение многим богам и божкам, явлениям природы, душам предков. Славяне не просто обожествляли окружающие их леса, реки, озера, животных, но и не отделяли себя от природы, выводя свой род от предка — животного или растения. «Религиозные ценности, — отмечает И. Е. Шкабара, — служили ориентиром в жизни славян, обуславливали нормы и мотивы их поведения и поступков. Все это в свою очередь сказывалось на множестве обрядов и ритуалов, которые складывались в каждом племени и в которых древние славяне выражали не только свои религиозные представления, но и бытовые традиции. Составляя

неотъемлемую основу жизни, обряды сохранялись в древнеславянском обществе на многие века, а с появлением сословий не ограничивались одной социальной группой и относились ко всем слоям населения» [27. С. 40].

За столетия своего существования язычество оказало серьезное влияние на уклад жизни народа, его мировоззрение, культуру, воспитание. Были заложены основы русской патриархальной семьи, явившейся главным институтом воспитания в обществе на протяжении столетий. В каждом доме господствовал хозяин: отец над детьми, муж над женой, старшие дети над младшими. Положение старшего в семье налагало на него серьезные обязанности по защите близких от внешних опасностей, требовало заботы об их благополучии. Старший отвечал перед родом за проступки членов семьи.

Ребенку с детства внушалось уважение к родителям и старшим рода. Особым уважением пользовались пожилые люди, имевшие большой жизненный опыт. Не случайно говорилось в народе, что дед тоже когда-то был чьим-то внуком, но из внука превратился в деда, и, следовательно, каждому человеку суждено пройти тот же путь, а когда он уйдет в другой мир, то станет заступником и покровителем семьи.

Большим уважением пользовались женщины. Особым почетом была окружена женщина, ждущая ребенка и находящаяся под покровительством Мокоши, богини семьи и земледелия. Мать, несомненно, являлась первой воспитательницей детей, именно от нее ребенок получал первые сведения об окружающем его мире, усваивал язык, знакомился с существующими в племени нормами поведения. Она готовила их к защите родного очага [10.

С. 37, 43]. Человека, оскорбившего свою мать, навсегда изгоняли из рода, а проклятие матери считалось самой страшной карой и должно было пасть не только на виновного, но и на его потомство.

Основой жизни славян являлся труд, без которого невозможно было выжить. Каждый был обязан трудиться, чтобы прокормить себя и свою семью, обеспечить ее всем необходимым, создать запасы, потребные в суровое время. Судьба, считали наши предки, может подвергнуть человека столь тяжелым испытаниям, что только его умения и навыки смогут помочь ему выжить, и к этому следует быть готовым. Поэтому трудовому воспитанию уделялось главное внимание. Независимо от состояния семьи, мальчиков учили обращению с оружием, охоте, навыкам земледелия и скотоводства, ремеслам, девочек — умению вести дом, ухаживать за детьми, шитью и т. п. Умельцы пользовались большим уважением, и это играло не последнюю роль в решении бытовых проблем: каждая семья хотела взять для сына в жены хорошую работницу или пристроить дочь за надежного, трудолюбивого человека.

Условием выживания и приспособления к природе была коллективная деятельность, когда вся община, «весь мир» сообща участвовали в решении бытовых, трудовых и военных проблем. Сложившийся на основе этого демократический образ жизни способствовал формированию у древних славян социально-психологической установки природного равенства людей, идеала справедливости для всех.

Накопленный народной педагогикой опыт воспитания нашел свое отражение в произведениях устного народ-

ного творчества. Через колыбельные, потешки, поговорки, сказки перед ребенком раскрывался окружающий его мир, он впитывал нравственные ценности, усваивал нормы поведения. Представления наших предков об идеалах, о принципах поведения, нравственных качествах человека, его долге перед обществом и семьей, основы религиозного, трудового, эстетического воспитания нашли свое отражение в древних былинах и сказаниях. Фольклор «являлся учебником жизни в самом истинном значении этого слова, составляя неотъемлемую часть тогдашнего бытия, с его мудростью и предрассудками, вечными истинами и грубыми заблуждениями» [20. С. 94].

По мере развития общества и его социальной дифференциации воспитание перестает быть единым. Как отмечает А. Н. Джуринский, «у рядовых общинников и ремесленников педагогическим идеалом оставались трудовое воспитание как высшая социальная и нравственная ценность. При этом в ремесленной среде на первый план выдвигалась необходимость наследственного ученичества. Для знатной прослойки особое значение представляла подготовка к ратному делу и руководство общиной» [6. С. 68].

Серьезные изменения в подходах к воспитанию детей и юношества начались с принятием в 988 г. на Руси христианства от Византии. Приобщение к новой религии способствовало вхождению Руси в круг крупнейших держав того времени, содействовало упрочению власти великого князя и консолидации древнерусского общества вокруг единого центра на основе общей идеологии (христианства). В силу этого, введение православия отвечало интересам государственной

политики и активно поддерживалось правящими кругами.

Принятие христианства существенно повлияло практически на все стороны жизни древних русичей. Будучи первоначально религией господствующих классов, городского населения, оно постепенно трансформировалось в форму властвовавшей в обществе идеологии, стало определять психологию и поведение масс, их мировоззрение, взгляды на воспитание и обучение детей. «Древнерусская педагогическая культура, — отмечают А. А. Барабанщиков и В. Н. Иванов, — стала постепенно и последовательно замещаться привнесенной из Византии и адаптированной к российским условиям системой воспитания» [1. С. 13]. С принятием православия наряду с семьей воспитательные функции взяла на себя церковь, на восемь столетий став во главе образования на Руси.

Проводниками христианства и первыми учителями древних русичей стали духовные лица, присланные из Византии и Болгарии. «Плоды древней науки и литературы, — отмечает О. Крыжановский, — живо еще сохранялись в тогдашнем византийском обществе и продолжали воспитывать одно поколение за другим. Что касается Болгарии, то она в X в. была средоточием славянской письменности, полученной от св. Кирилла и Мефодия. Вообще десятый век был веком особенного подъема науки и просвещения в Болгарии, откуда они распространялись и в другие славянские страны» [12. С. 234, 235].

Немногочисленные источники свидетельствуют, что прибывшие в страну священники были людьми просвещенными и образованными, спо-

собными не только преподавать уроки веры, но и основы грамотности. Их основной задачей являлась пропаганда новой религии, внедрение идеологии христианства в сознание масс, борьба с прежними верованиями.

Христианизация населения осуществлялась постепенно, при помощи проповедей и разъяснения основ новой веры, а также посредством обучения детей в школах, создаваемых при церквях и монастырях для детей всех сословий. Начало созданию школ на Руси положил князь Владимир. Школы существовали в Киеве, Новгороде, Курске, Муроме, Переяславле, Суздале, Чернигове и др. городах, что дает возможность предположить, что образование на Руси получило достаточно широкое распространение. О том же свидетельствует факт появления на Руси первых школ для девочек, возглавляемых представительницами княжеских родов [13]. Обучение в этих учебных заведениях включало грамоту, письмо, церковное пение, иногда — греческий язык.

В основе христианской педагогики, в отличие от языческой, лежала книжная культура. Грамотность, овладение навыками письма были необходимы для усвоения религиозных норм, прописанных в священных текстах, знакомства с трудами отцов церкви, переписи богослужебных текстов.

Можно утверждать, что на содержание воспитания русичей повлияли и закреплённые в православии идеи античных педагогов. Приехавшими на Русь священниками, выпускниками школ и грамотными людьми осуществлялись перевод и переписывание священных книг, что считалось тогда богоугодным делом [13]. Так, «Изборник 1076 года» содержит от-

рывки из сочинений известных византийских писателей и ораторов, житий святых, патериков, сборников изречений на морально-нравственные темы. Достаточно широкое распространение среди грамотного населения получили «Толкования евангельских текстов» Оригена, Евсевия, Иеронима, Феофилакта Болгарского.

«Среди писателей ранней патристики, переводы книг которых выполнялись на Руси и чьи религиозные и философские идеи были наиболее популярны у древнерусских книжников, следует назвать Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Нисского, Иоанна Дамаскина и др., — отмечает И. Е. Шкабара. — Благодаря их творениям древнерусское общество не только приобщалось к христианской вере, но и развивало свои умственные и философские представления, в том числе представления, касающиеся воспитания и обучения детей» [27. С. 90].

По свидетельству летописных источников, помимо дидактических трудов на Русь, благодаря ее тесным контактам с Византией, попадали и другие произведения: византийские исторические хроники Георгия Синкеллы, Георгия Амартола, Иоанна Малалы Антиохийского, сборники популярных и назидательных рассказов и анекдотов. Знакомство русских книжников с этими и другими произведениями, несомненно, повлияло на развитие древнерусской литературы, на столетия определив ее направленность.

Русь в весьма короткий срок прошла путь *ученичества*, и уже в XI в. у неё появились собственные проповедники, своя оригинальная литература, предпосылки для создания собственной христианской педагогики. В основе последней лежали вера в единого

бога, любовь к ближнему, идея христианского братства, человеколюбие, стремление к духовному совершенству, милосердие, терпимость.

Лука Жидята, один из первых русских проповедников, в «Поучении к братии» призывал «веровать в единого бога», что поможет исполнять свой долг, «иметь любовь ко всякому человеку», уметь прощать «брат брату и каждому человеку», осуждал вражду и злопамятность, взывал к милосердию [6. с. 152]. «Если видишь раздетого, или голодного, или от стужи или беды какой страдающего, будет ли то иудей, или сарацин, или болгарин, или еретик, или латынянин, или язычник любой — всякого помилуй и от беды избавь, и не будешь лишен воздаяния от Бога», — писал основоположник монашества на Руси Феодосий Печерский [7. С. 262]. «Древнерусское общество под руководством церкви в продолжение веков прилежно училось принимать и исполнять вторую из двух основных заповедей, в которых заключаются весь закон и пророки, — заповедь о любви к ближнему, — указывал В. О. Ключевский. — Потребность в этом подвиге воспитывалась всеми тогдашними средствами духовно-нравственной педагогики» [11. С. 78].

Идеал человека, в понимании древних русичей, представлен в «Поучении Владимира Мономаха». В основе его лежит любовь к человеку и трудолюбие, базирующиеся на благочестии и христианской вере. В основе благочестия, по мнению Мономаха, должно лежать деятельное начало. Князь считал, что «не отшельничество, не монашество, не строгое постничество» спасает человека, а добрые дела. Он призывал соотечественников к милосердию, человеколюбию, вер-

ности слову; считал долгом выступить в защиту слабого.

От власти имущих Мономах требовал заботы о своих подданных, призывал иметь в сердце страх Божий, смирять свою гордыню, согласно Ветхому завету уважать свою жену, но не давать ей над собой воли, чтить служителей церкви. Князь указывал на необходимость учения, так как ученость приносит не только пользу самому человеку, но и уважение окружающих. Нравственные нормы, выдвинутые Мономахом: почитание старших, трудолюбие и правдивость, бесстрашие в защите родной земли перекликаются с традициями народной педагогики [22. С. 15–18].

Педагогическими идеями проникнуты произведения многих писателей домонгольского периода. Так, митрополит Иларион в «Слове о законе и благодати» доказательно обосновывал значимость древнерусского образования для укрепления государства и для развития его культуры. Славя князя Владимира, крестителя Руси, он прославляет и его предков-язычников Игоря и Святослава, полагая, что героической историей народа можно и нужно гордиться и русский народ ничем не уступает другим народам. В произведениях Кирилла Туровского, Даниила Заточника, Климента Смолятича звучат раздумья об подлинных целях воспитания юношества, выработке у молодежи религиозной нравственности, ответственности за свои деяния, за судьбы Родины.

История древнерусской педагогики свидетельствует, что взгляды на воспитание менялись очень медленно. Связано это было с вековыми традициями, консерватизмом общества и постепенным принятием им христиан-

ских идей. На раннем этапе правомерно говорить о длительном сосуществовании языческих и христианских традиций в воспитании, что было особенно характерно для сельской местности и отдаленных от просвещенных центров регионов, где было сильное неприятие отличающихся от языческих идеалов. Как отмечал А. Я. Гуревич, это выражалось «в установке на старину и во враждебности или недоверии к любому новшеству, неслыханному и, следовательно, не получившему одобрения, консерватизм всей общественной жизни, начиная от способов ведения хозяйства и форм поселения и кончая навыками мысли, господством стереотипа в художественном творчестве» [4. С. 63]. Данное неприятие находило свое выражение в сохранении старинных капищ для поклонения богам, в обычаях языческих празднеств, в суевериях и приметах, в участии населения в восстаниях волхов, в стремлении многих родителей воспитывать детей в прежних традициях. Согласно летописным источникам, когда князь Владимир приказал отправлять детей «на учение книжное», матери плакали, как о мертвецах плачут [21. С. 51].

Можно согласиться с А. А. Липской, утверждающей, что процесс обучения и воспитания в первых русских школах осуществлялся «на основе взаимодействия языческой и христианской культур, содержащих в себе элементы народной педагогики восточных славян и культурного наследия Византии, в том числе опыта античного воспитания и образования» [13].

Постепенно воспринимая христианские идеи, русский народ, по словам П. Ф. Каптерева, «естественно заимствовал то, что ему было более по сердцу, отвечало складу его жизни,

его привычкам и взглядам» [9]. В силу этого на Руси привились педагогические идеи Ветхого завета, соответствовавшие патриархальному устройству русского общества с безграничной властью главы семьи и полным подчинением ему домашних.

Согласно ветхозаветной педагогической доктрине, воспитание детей должно было состоять в абсолютном подчинении детей родителям, лишении их собственной воли, сопровождаться суровыми наказаниями, жестокость которых оправдывалась благом воспитуемых. Основная задача воспитания виделась в формировании нравственных качеств: благочестия, добродетели, кротости и послушания, почитании Бога и служении ему.

Негативное последствие на образование оказало татаро-монгольское нашествие. Были разорены города, сожжены монастыри и хранившиеся в них книги, пришли в упадок школы. Существенно сократилось количество грамотных людей. Стали крайне затруднены связи страны с Византией и Болгарией, служившие источником развития просвещения на Руси: именно оттуда прибывали в страну грамотные церковные деятели, привозились духовные и светские книги. Все указанное привело к снижению культурного и образовательного уровня русского духовенства и, как результат этого, к резкому понижению уровня народного образования.

В период татаро-монгольского нашествия на первый план выступают задачи сохранения русских земель от окончательной гибели, постепенное накопление сил для свержения ига, объединения княжеств в единое государство. Значительно усилилась роль церкви как общерусской объедини-

тельной силы. В проповедях, наставлениях своей паствы, агнографиях, посланиях Русская православная церковь стремилась поддержать верующих, вселить в них веру в будущее, давала нравственную оценку поступков. «Осуждения в письменных произведениях страшились, похвал добились», — отмечал Д. С. Лихачев, подчеркивая значимость церковной оценки для выбора линии поведения в тяжелейший для страны период нашествия татар [19. С. 24].

Единственными местами, где еще в какой-то мере сохранялась книжная культура, были немногие уцелевшие монастыри. Именно они и стали хранителями духовной культуры разоренной страны, сыграв существенную роль в сохранении дела образования. Монахи не только собирали и переписывали уцелевшие рукописи, переводили редкие поступавшие из-за рубежа сочинения, но и выступали в роли наставников, готовя новых служителей церкви и по мере возможности образовывая представителей простого населения.

В образовании периода татаро-монгольского нашествия наблюдалось усиление христианской направленности, звучали призывы к единению на основе общей веры. Целью такого образования было привнесение в душу ребенка христианских ценностей, приобщение его к Богу, укрепление в вере, что должно было способствовать как спасению души воспитанника, так и спасению страны от разорения и гибели. В условиях нестабильности социально-политической жизни и малодоступности школьного образования роль наставника молодежи практически целиком перешла к семье, остающейся единственно устойчивой частью общества. Данные обстоятельства усилили патриархальные основы

воспитания, способствуя тем самым закреплению основ ветхозаветной педагогики в русской традиции.

Среди немногочисленных школ послемонгольского периода особое место занимала школа Нила Сорского. Святитель учил отроков чтению и письму, проповедовал учение о внутренней воздержанности, призывал отказаться от мирских соблазнов, в особенности от «стяжания» («очисти келью твою, и скудость вещей научит тя воздержанию»), запрещал пользоваться плодами чужого труда — иметь слуг, заставлял каждодневно заниматься переписыванием священных книг. Обучая духовному подвигу, опытный наставник призывал учеников к духовному совершенствованию. Не тело, но мысль и сердце, душа и дух — такова истинная почва и ценность просвещения в учении великого старца. Многие из подготовленных Нилом Сорским учеников продолжили дело учителя, сами стали наставниками юношества.

С освобождением страны от татаро-монгольского ига и объединением русских земель вокруг Москвы стала ощущаться необходимость в восстановлении учебного дела. Положение осложнялось тем, что в середине XV в. не существовало Византии, павшей под ударами турок, и не могло идти речи о прежнем мощном культурном влиянии ее на нашу страну. Многие ученые и проповедники погибли, а выжившие бежали на Запад. Не могла оказать помощь и Болгария, попавшая под османское иго. Источник духовного просвещения, ранее основывавшийся на симбиозе православия и основ античной педагогики, прекратил свое существование.

Необходимо было найти культурные центры, которые могли бы со-

действовать возрождающейся стране в деле просвещения. Таким помощником на том этапе мог быть только Запад, с его культурой Предвозрождения и вполне сложившейся системой образования. Но обращение к западноевропейскому опыту проходило очень медленно, в связи с тем, что Московская Русь, считавшая себя преемницей Византийской империи, унаследовала от неё негативное отношение к господствовавшему на западе католицизму.

Иная ситуация складывалась в Юго-западной Руси, которая в конце XIV в. территориально входила в состав Великого Литовского княжества, а после принятия Унии была присоединена к Польше. По свидетельству иностранца Одербона, уже в середине XVI века там имелась разветвленная сеть элементарных школ [12. № 7—8. С. 22]. Развитие образования на юго-западных территориях определяли близость к просвещенной Западной Европе и духовное противостояние влиянию католической церкви. Состояние просвещения в Литве и Польше, не испытывавших тягот татаро-монгольского ига, было значительно выше, чем на Руси, а связь с другими западноевропейскими странами давало возможность шляхте получать образование в университетских центрах Европы.

Для защиты веры и образования высшее русское дворянство постаралось превратить подопечные им церковные учреждения в центры православного образования. Были открыты русские школы в Остроге, Бресте и других городах. Свою роль в развитии православного образования сыграли школы, организованные юго-западными братствами — общинами городских ремесленников, группировавшимися

вокруг монастырей и церквей, находившихся, по сути, на их содержании. Действовали под эгидой православной церкви и ревностно заботились о защите своей паствы от идей католицизма. В Остроге, помимо этого, было организовано издание церковных книг.

Анализ сохранившихся школьных уставов, дошедших до нас учебников, свидетельств современников, трудов историков позволяют сделать определенные выводы о деятельности училищ. Согласно уставам, они являлись всесословными. «Училища в тогдашней Польше, — писал Головацкий о Львовской школе, — были преимущественно для шляхты; наша же школа не исключала любознательно-го юношество всякого положения; в братскую школу принимали детей всякого сословия, убогих «за прости бог, а богатых за розным датком» [3. С. 12—13]. Обучаться в братских школах могли и девочки [18. С. 66—72].

Не представляется возможным определить точные программы обучения, но по уставам Луцкой и Львовской школ можно предположить, что помимо письма, чтения и арифметики ученики изучали греческий язык, риторику и диалектику, латынь [26. С. 219]. Особое внимание уделялось церковным предметам: Священной истории, объяснению Священного писания, святоотеческой литературе, краткому учению о христианской нравственности [26. С. 218—223]. Учительские места в братских школах занимали в основном монахи, сами школы большей частью действовали при церквях и монастырях. Преподавать в школе могли как духовные лица, так и миряне, согласно жалованной братствам грамоте [17].

Введение в школьный курс различных наук, хоть и в ограниченном

объеме, всесословность, доступ к обучению девочек выгодно отличало эти училища от аналогичных школ Московской Руси, в которых образование сводилось к элементарной грамоте даже для представителей знати, а низшие сословия и женщины практически не имели к нему доступа. В лучшую сторону отличалась и организационная деятельность братских школ, где все ученики имели равные права и обязанности, а учителю предписывалось относиться ко всем детям одинаково и учить ласкою, а не наказанием [2, С. 100—101].

Особую роль в распространении образования в юго-западной России сыграла Киево-Могилянская академия, созданная на базе братской школы П. Могилой. Пригласив в коллегию преподавателей, получивших образование в европейских университетах, он существенно расширил курс изучаемых предметов, включив туда латынь, поэтику, философию, физику и др. предметы. Основное внимание уделялось богословию, так как главная цель образования виделась в воспитании человека, хотя и образованного на западный манер, но «крепко сохраняющего и свою веру, и свой язык».

Как отмечал М. И. Демков, «благодаря львовскому, виленскому, а позже киевскому и др. училищам, в юго-западной России начала распространяться западная наука, хотя наука эта была схоластическая. Схоластическая наука стала воспитывать не просто грамотных и начитанных людей, как это было прежде, но ученых, которые способны были понять, оценить, объяснить книгу, защитить истину и отвергнуть заблуждение. Эти ученые стали приводить христианские истины, заключающиеся в разных источниках,

в научные системы. Вместе с богословскими системами начали появляться книги и руководства и по другим предметам знания» [5. С. 138].

В XVI и XVII столетиях сложилась парадоксальная ситуация, когда принципиально не приемлющее католицизма высшее духовенство ввиду намечающегося раскола вынуждено было обратиться за помощью к юго-восточной и во многом прозападно настроенной школе. «Совершенный недостаток училищ, не только для народа, но и для образования пастырей церкви, — писал Макарий в «Истории русского раскола», — распространение невежества и губительных суеверий в народе и самом духовенстве, усилившаяся порча богослужебных книг и многие другие настроения и разногласия в отпевании служб церковных, недостатки и своеволия в церковном управлении и благочинии, крайний упадок нравственности в народе и духовенстве — все это вместе подвигло царя Иоанна Васильевича IV, который после несчастных дней своей юности, хотел быть, как сам выразился, «веры поборником, Богу служителем, славы церкви рачителем» — созвать в Москве собор в 1551 году» [15. С. 143].

Среди поднятых Стоглавым собором проблем большое место заняли вопросы просвещения. В своей речи при открытии собора Иван IV просил у духовенства о «наставлении учением», видя в этом важное условие «устроения всего православного христианства». Участники собора отмечали, что учатся у отцов своих и мастеров (учителей), потому что больше им учиться негде, но родители и мастера сами мало знают, что действующих ранее в городах училищ не

существует, и обучаться больше негде. Собор постановил учредить в Москве и в других городах при домах «добрых священников и дьяконов» школы для обучения книжному письму, чтению, церковному пению и «чести» [25. гл. 26]. Решения Стоглавого собора с одной стороны, высветили назревшую потребность принятия мер со стороны светской и духовной властей к возрождению образования, с другой — свидетельствовали об утверждении узко утилитарного взгляда на образование, стремлении посредством его решить внутренние церковные проблемы и предотвратить раскол церкви.

Не сохранилось свидетельств о реализации решений собора. Несмотря на большое влияние Православной церкви на жизнь русского общества, для воссоздания школ нужны были определенные условия, которых не существовало в середине XVI века. Легко было потерять грамотность, — сложнее было восстановить ее без помощи со стороны более образованного государства, в роли которого ранее выступала Византия. Для открытия училищ в домах бедных священников и дьяконов было совершенно недостаточно принимать «дары и почести по достоинству от родителей», специальных же средств на открытие школ ни государством, ни церковью выделено не было.

Единственными островками, где еще теплилась школьная жизнь, оставались немногие монастыри. Иностранец, побывавший в Русском государстве в 1576 году, писал: «Во всей Московии нет школ и других способов к изучению наук, кроме того, чему можно научиться в самых монастырях; потому из тысячи людей едва найдется один, умеющий читать или писать», и это спустя четверть века после принятых

Стоглавым собором решений. Еще через пять лет, в 1581 году, бывший в Москве Антоний Поссевин указывал: «Нет здесь ни коллегий, ни академий, а есть только кое-какие школы, в которых учатся дети читать и писать» [12. № 5–6. С. 493].

Дошедшие до нас источники во многом противоречивы. В частности, известный представитель религиозного направления в отечественной педагогике С. И. Миропольский указывал на несостоятельность свидетельств иностранцев ввиду ограниченности их круга общения. В своем исследовании «Очерк истории церковно-приходской школы от первого ее возникновения на Руси до настоящего времени» он сообщает об открытии в 1557 году трех школ в монастырях Казанской епархии. Учениками школ являлись крещеные магометане и другие инородцы: черемисы, мордва, чуваша, вотяки, а равно и дети русских, поселившихся в Казанском крае, которых иноки-старцы обучали азбуке, псалтыри, часослову, закону христианскому и русскому языку [16. С. 39–40].

Падение уровня грамотности негативно отразилось на качестве книг, переписываемых в XVI веке **вручную**. Искажения церковного текста приводили к различиям в толковании богослужебных обрядов, служили одной из причин раскола Православной церкви. Для недопущения такого положения и приведения богослужебной литературы к единым образцам Иван IV по совету митрополита Макария открыл в 1563 году в Москве типографию, в которой в 1565 году Иван Федоров и Петр Тимофеев Мстиславец напечатали первую русскую книгу — «Апостол», а затем и «Часослов». Это событие имело про-

мадное значение не только для церкви, но и для развития всего дела образования в Русском государстве. Книга, основной источник знаний, могла в достаточно больших количествах тиражироваться, а значит, расширялся доступ россиян к знаниям, появлялась возможность печатания не только священной и богослужебной, но и учебной литературы.

Положение дел с образованием попытался изменить Борис Годунов, предложивший боярской думе вызывать просвещенных людей из западной Европы и открыть школы для обучения языкам, однако встретил ожесточенное сопротивление со стороны духовенства. «Попы и монахи, — свидетельствовал бывший в то время в Москве немец Бер, — противились сему намерению, объявив, что в России, невзирая на обширное пространство ея, доселе господствовало единонаравие; если же настанет разноязычие, — поселится раздор, и прежнее согласие исчезнет» [23. С. 12–13]. Вопрос об открытии школ как основного средства борьбы с расколом был поднят повторно восточными патриархами перед царем Алексеем Михайловичем в 1666 году во время суда над Никоном. В эти же годы в практику входит выдача царем дозвоительных грамот на открытие славяно-греко-латинских училищ.

В 1679 г. царем Федором Алексеевичем при московской типографии было учреждено училище для русских и греческих юношей в целях доставления им образования, необходимого для противодействия расколу и латинству. В 1682 году Симеон Полоцкий подписал грамоту о преобразовании училища в Московскую духовную академию, однако ее со-

здание задержалось из-за смерти царя и стрелецких бунтов. Лишь в 1685 году по прибытии из Царьграда братьев Иоанникия и Софрония Лихудов, ставших ее руководителями и преподавателями, Московская славяно-греко-латинская академия начала функционировать как учебное заведение повышенного типа. После Лихудов преподавание продолжили их ученики Федор Поликарпов, Палладий Роговской и другие [24]. В эти же годы ростовский митрополит

Димитрий учредил в своем приходе первую духовную семинарию.

В XVIII столетии усилиями Петра I возобладали прозападная направленность в деятельности школы, положившая начало диалогу отечественной и западноевропейской культур на образовательном поле России. Но это была уже иная страница в истории страны. Основы же отечественного образования были заложены ранее, и их следует знать.

Примечание:

1. Барабанщиков, А. В., Иванов, В. Н. История Отечественной и зарубежной педагогики в трех частях. Ч. II. / А. В. Барабанщиков, В. Н. Иванов. Голицыно, 1994.
2. Второй устав Луцкой школы // Памятники Киевской Комиссии. Т. I. Отд. 1. С. 100–120.
3. Головацкий. Начало и действие Львовского Ставропигийского братства / Головацкий. Львов, 1860.
4. Гуревич, А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства / А. Я. Гуревич. М., 1990.
5. Демков, М. И. История русской педагогики. Ч. 1. Древнерусская педагогика / М. И. Демков. СПб., 1899.
6. Джуринский, А. Н. История педагогики: учеб. Пособие / А. Н. Джуринский. М., 1999.
7. Златоструй. Древняя Русь X–XIII вв.: Сборник / Сост. А. Г. Кузьмина и др. М., 1990.
8. История педагогики и образования. От зарождения воспитания в первобытном обществе до конца XX века: Учебное пособие для пед. учебных заведений / Под ред. А. И. Пискунова. М., 2001.
9. Каптерев, П. Ф. История русской педагогики / П. Ф. Каптерев. СПб., 1915.
10. Карамзин, Н. М. История государства Российского / Н. М. Карамзин. Кн. I. М., 1988.
11. Ключевский, В. О. Исторические портреты / В. О. Ключевский. М., 1991.
12. Крыжановский, О. Значение духовенства в истории народного образования в России / О. Крыжановский // Образование. 1895. № 2, 5–6, 7–8.
13. Липская, Л. А. Вариативное развитие отечественного образования. Психолого-

педагогический контекст: монография / Л. А. Липская. Челябинск, 2007.

14. Лихачева, Е. Материалы для истории женского образования в России / Е. Лихачева. СПб., 1896. Т. 1.

15. Макарий. История русского раскола, известного под именем старообрядчества / Макарий. СПб., 1889.

16. Мировпольский, С. Очерк истории церковно-приходской школы от первого ее возникновения на Руси до настоящего времени. — Вып. 3. Образование и школа на Руси в XV–XVII веках / С. Мировпольский. М., 2006.

17. Могилевские Губернские Ведомости. 1847.

18. Памятники Киевской Комиссии. Т. I. Отд. 1. № VIII.

19. Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981.

20. Педагогика народов мира: История и современность. М., 2001.

21. Полное собрание российских летописей. Т. I.

22. Поучение князя Владимира Мономаха детям // Егоров С. Ф. Хрестоматия по истории школы и педагогики в России (до великой Октябрьской революции). М., 1974. С. 15–17.

23. Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Ч. I. Изд. 2-е. СПб., 1837.

24. Смирнов, С. История Московской славяно-греко-латинской академии / С. Смирнов. М., 1855.

25. Стоглав. М., 1893.

26. Устав Луцкой школы // Демков М. И. Педагогика западноевропейская и русская. Педагогическая хрестоматия. М., 1911. С. 218–223.

27. Шкабара, И. Е. Генезис парадигм воспитания в Древней Руси (VIII – XIV вв.) / И. Е. Шкабара. Екатеринбург, 2007.